

— Ты вспомнил что-нибудь о Пределах Вечности?

— Танару, я не понимаю, о чём ты.

— Очень жаль, — её взгляд отрешённо скользил по клетке, особенно ни на чём не задерживаясь, — Сегодня урока не будет.

— Как это — не будет?

— Тебя ждёт наша госпожа.

Эран почувствовал, как что-то оборвалось внутри. Не прошло и недели, как он жаловался Танару на жизнь, и вот к чему это привело. Сама Валтиатара вызывала его к себе.

— Тебе следует помыться и облачиться подобающе, — Танару извлекла из крохотной поясной сумки серебристый свёрток: серый комбинезон — такой же, как у любого жителя Тарктана.

— Н-но... почему? — воскликнул Эран.

— Ты ведь сам говорил, что устал, сам просил дело. Наша госпожа смилостивилась до разговора с тобой. Это огромная честь для знатных лоргатов, величайшая честь для рабов, а для тебя, Эран...

— Всё равно что муравью предстать перед богом, — пробормотал он.

Танару не поняла. Её пальцы были белее обычного и судорожно сжимали ошейник:

— Будь осторожен. От того, какое впечатление ты произведёшь, зависит твоя жизнь. Обращайся, как я тебя учила, не поднимай глаз, пока иммэ не прикажет, и делай всё, что она велит. С благодарностью.

Танару уплыла, оставив Эрана наедине со страхом, холодящим нутро.

Да, желание покинуть клетку не исчезло, но теперь, когда отпирали засов, Эран цепенел от ужаса.

Ощущая себя набитым ватой чучелом, он до красна отёр кожу под струями горячей воды, вычистил ногти, уши и волосы, соскоблил наметившуюся щетину, и, облачившись в невесомый комбинезон, уселся ждать, когда за ним придут.

Лоргаты, как всегда, подходили к клетке, но видя, во что сегодня одет экспонат, огорчённо разворачивались и исчезали.

От страха свело желудок, кишки завязались в узлы, поэтому Эран пропустил завтрак. Даже думать о еде было противно.

Ближе к середине дня он поймал себя на том, что рассматривает клетку синей обезьяны. Неотвязная мысль долбила в черепную коробку: возможно он сам выпросил участь, которой больше всего боялся.

Пределы Вечности!

С чего он взял, что сможет найти их? Или что сможет хотя бы понять, что это такое? Технологии древней расы, исчезнувшей сколько? пол миллиона лет назад? Человечество тогда

даже не существовало, даже не оформилось, как вид. Какие древние технологии? Кто мог их построить? Кто мог их увидеть, а увидев, осознать, что это? Если нечто подобное и существует на Земле, то наверняка лежит под толщей океана, или погребено во льдах Антарктиды, или засыпано вулканическим пеплом, — там, где Человек ещё не бывал, куда он ещё не смог добраться, где и искать-то бесполезно.

Страх сводил мышцы.

Когда к исходу первой половины дня в прозрачной стене открылся проход, Эран едва был в силах пошевелиться. На онемевших ногах он выволокся наружу и тут же замер, потрясённый открывшимся видом. Не раз, подходя вплотную к стеклу, он пытался разглядеть, откуда приходят лоргаты, что там дальше, а может быть выше? Но всё, что ему было доступно, — эль широкая лента козырька, вольер кегури, и отблески стеклянных клеток, обитателей которых он никогда не видел. Теперь же перед ним открывалось бескрайнее пространство, заставленное вольерами, террариумами, аквариумами и крохотными камерами, смыкающимися и громоздящимися друг на друге в каком-то безумном порядке неподвластном человеческой логике. Клетку Эрана накрывала крыша высокой пагоды, под которой ютились ещё несколько клеток. Эран не мог поверить своим глазам: у него были соседи! Сверху, справа и слева — террариумы с невероятными насекомыми, змеями и птицами. Стекло вольера кегури уходило вверх на десятки метров, и там в вышине виднелось отделение, в котором парили чёрные и серые орлы.

Потолок!

Потолок был так высоко, что казался куполом из голубого стекла, источающего яркий дневной свет. По рассказам Танару Эран знал, что над этим потолком был ещё ярус, и ещё, и ещё... Десятки этажей, наполненные подневольной жизнью, ютящейся в клетках, и миллионами посетителей, непрерывно проходящими через этот циклопический лабиринт.

Сложно подобрать название для подобной громады, места, явления. В земных языках не существовало подходящих категорий. Город-парк? Мегапарк? Зоополис?

Ошейник, к которому Эран привык, стал до отчаянья тесен. Каждый шаг вне клетки хотелось сорвать металлический обруч, отгрызть себе голову, умереть, но умереть свободным. Хотелось бежать сквозь толпы лоргатов, прочь, домой, на Землю, но "кольцо всерабства" сдавило горло, напоминая, что сбежать отсюда невозможно. Ледяными пальцами тоска терзала сердце, и Эран едва не завыл от безнадёги. Скрипя зубами, он послушно плёлся вслед за металлическим серо-чёрным болванчиком, что вёл его, указывая дорогу.

Целые улицы из вольеров и клеток, обитатели которых пялились на Эрана: кто с презрением, кто с удивлением, но большей частью — равнодушно. Лифты, по размерам не уступающие многоэтажкам, с широкими террасами, парапетами и балконами. Рестораны, кафе, забегаловки, бассейны, спортивные площадки и аттракционы, — все виды развлечений для четырёхруких монстров. Оружие, хохочущие, веселящиеся лоргаты везде-везде-везде. Лишь немногие из них, в основном дети, были невысокими; все прочие достигали двух-двух с половиной метров роста, от чего Эран чувствовал себя крохотным и слабым, абсолютно бессильным перед толпой желтоглазых чудовищ.

Помимо лоргатов он видел и другую многочисленную расу. Это не бросалось в глаза, но когда Эран заметил одного из них, остальные как-будто возникли из ниоткуда. Существа, похожие на Танару, сновали тут и там, левитируя в воздухе.

Эран всегда думал, что Танару — единственный представитель своего вида, или какая-то особенная лоргата, но оказалось, что она — одна из. Целая раса четырёхруких телепатов, и у каждого на шее металлический обруч.

Робот-болванчик вёл через улицы, не позволяя задерживаться подолгу, но Эран всё равно останавливался, не в силах бороться с искушением поглазеть на обитателей отдельных клеток.

Вот четырёхрукие и четырёхногие исполины, вдвое выше любого лоргата, медлительно и апатично вышагивают по вольеру. Вот юркие красные ящерицы без хвостов сворачиваются в клубки и левитируют под потолком. Пушистые женщины с акульими зубами рвут на куски тушу полукабана-полуносорога; длинные сверкающие насекомые — похожи на средневековых рыцарей; прозрачные медузы висят над кипящим болотцем; мегалодонты плывут в колоссальных размерах аквариуме, а стайка осьминогов с гарпунами охотится на них.

Постепенно стали попадаться клетки, в которых никто не жил, а к концу пути улица и вовсе опустела. Эрана вели на окраину этого города-зоопарка, отчего в голову лезли неприятные мысли. Неужели великая госпожа обитает в такой глуши? В неприглядной заброшенной части?

Ноги быстро устали — Эран отвык так долго ходить, — но он даже радовался болезненному ощущению в ослабевших мышцах, словно так проявлялась сама Свобода. Сидя в клетке он полагал, что достаточно упражняется, да и непристойные танцы требовали каких-никаких физических сил, однако этого явно не хватало.

Робот-болванчик подлетел к небольшой прозрачной кабинке, у которой, скрестив все четыре руки на груди, стоял угрожающего вида лоргат, гораздо выше любого из встреченных до этого — макушка Эрана едва доходила ему до груди. Наученный Танару, Эран заранее опустил глаза в пол и склонился перед лоргатом:

— Я явился по приказу великой госпожи, иммэ Валтиатары. Она призвала меня.

Летающий болванчик что-то пискнул, и лоргат отступил в сторону.

Не поднимая глаз, Эран вошёл в кабинку, и прозрачная дверь захлопнулась за ним. От резкого движения он едва не упал — кабинка понеслась ввысь, оставляя далеко внизу жуткого лоргата, клетку Эрана и колоссальный город-этаж.

Вспыхнул яркий голубой свет, и вот уже Эран летит через пространство следующего этажа. Ещё этаж. И ещё. В точности, как рассказывала Танару. Маленький лифт серебристой пулей пронзал слоёный пирог зоополиса, унося Эрана всё выше и выше.

Он уже потерял счёт вспышкам света, голова кружилась от попыток осознать, сколько километров осталось внизу под ногами. Кончился очередной этаж, и лифт воспарил над штакетником величественных высоток. Неописуемой красоты дворцы, башни и сверкающие металлические мосты переплетались в ажурные узоры бесконечного города. Эран припал к стеклу и не мог наглядеться, хотя глаза слезились от яркого света: над резной полоской далёкого горизонта высилось жаркое солнце. Да, это было чужое светило в чужом городе, в чужом мире, но он так давно не видел настоящего солнца, что ему было плевать. Тёплыми живыми лучами Свобода дышала на него сквозь стекло, и обжигала тесный обруч на шее.

Надо валить! Надо придумать способ и свалить с этой проклятой планеты. Лучше вечные скитания, лучше болезни и голод, но на свободе, там, за горизонтом. Эран рванул ошейник, хрустнули пальцы и шейные позвонки, но треклятая железка не поддавалась. Казалось, стоит лишь разомкнуть этот обруч, сбросить хомут, и ничто не удержит; но всё было наоборот. Пока

Эран не станет свободным, ошейник не разомкнётся.

Кабинка остановилась, поднявшись над изумрудной поляной, потом мягко опустилась на сверкающую стальную площадку и развернулась в сторону величественного здания из белого камня. Робот-болванчик устремился вперёд по зелёной аллее, вдоль аккуратно стриженных деревьев и кустов. Здесь не встречались ни лоргаты, ни соплеменники Танару, только занятые своими делами многорукие ящерицы с бледно-зелёной кожей, одетые в белоснежные балахоны. Ящерицы ловко управлялись с садовым инструментом, тихо переговаривались и совсем не обращали внимания на Эрана. Зато Эран таращился на них во все глаза, ведь не считая увиденных сегодня экспонатов, это были первые существа на Тарктане, которые одевались не в серые комбинезоны.

Аллея завершалась высокой лестницей, поднимавшейся прямо ко входу. Эран остановился у первой ступени, чтобы перевести дух и подготовиться. Он не знал, хватит ли у него сил на восхождение — бёдра горели, а стопы ломило при каждом шаге, в пальцы словно вбили гвоздю, — но огорчать великую госпожу было нельзя. Ни в коем случае. Если раб ещё может мечтать о свободе, то мертвецу такая роскошь недоступна.

Подъём тянулся целую вечность. Ступени были выстроены явно не для людей, и каждый шаг причинял Эрану адскую боль. Под ногами как будто насыпали горящих углей, он подтягивал бёдра руками, затаскивая себя всё выше и выше по белым плитам, ожидая что вот-вот упадёт. Но не падал.

Чтобы отвлечься от боли, он пытался разглядывать здание: вместо окон — искусные витражи, трёхцветный плющ ползёт по стенам, оплетая балкончики и террасы. Сам дом, казалось, был выстроен из обычного алебаstra, но Эран не видел ни сколов, ни трещин, ни вымоин. Камень словно умастили воском — настолько гладким и мягким он выглядел.

"Может это и есть айонит, — подумал Эран, — тот самый неразрушимый камень, о котором говорила Танару. Если Пределы Вечности существуют, они должны быть выстроены из айонита".

Ноги едва могли шевелиться, когда он входил в просторный вестибюль, и даже страх встречи с лоргатой, по велению которой его могут убить, отступал перед отупляющей усталостью. Со всех сторон таращились чучела разнообразных монстров — трофеи хозяйки, добытые в долгих походах в иные миры. Эрану чудилось, будто рогатые и зубастые твари хотят напасть, но лишь его взгляд заставляет их замереть на месте.

Ещё одна лестница — короткая, — и он оказался в длинном высоком зале, расцвеченном лучами, падающими от витражей. В дальнем конце на пьедестале, укрытом бурыми шкурами, сидела лоргата. Эран опустил глаза и двинулся вперёд, не глядя на госпожу, пытаясь ориентироваться по витиеватым узорам на полу.

— Ты заставляешь себя ждать, маленький раб, — пролетел над залом голос Валтиатары.

Эран не чувствовал в нём угрозы, но на всякий случай грохнулся на пол и припал щекой к мозаичной поверхности:

— Я не достоин твоей милости, иммэ.

— Встань, раб. Я не сержусь на тебя...

— Милость твоя безгранична, иммэ, — собрав остатки сил, Эран поднялся на непослушные

ноги и, всё так же не глядя на Валтиатару, проковылял к ступеням, ведущим на пьедестал.

— Вижу, Танару хорошо тебя обучила, — довольно произнесла госпожа, — Кто дал тебе имя, раб?

— Великий господин Умурван. Это он надел на меня ошейник.

— И что это имя значит?

— Мне неизвестно, великая госпожа. Я не достоин знать язык повелителей.

Валтиатара замолчала, словно обдумывая услышанное. Эран почувствовал, как капля пота стекает по лбу к переносице, готовая в любую секунду сорваться и запятнать вычищенную до блеска мозаику.

— Подними голову, раб. Приказываю взглянуть на свою госпожу.

Эран с трудом отыскал в себе мужество, чтобы разогнуть шею. Он посмотрел вверх, на пьедестал, и понял, что уже не раз видел Валтиатару. Продольный шрам от макушки до верхней губы — отличие, которое трудно было не запомнить. Она приходила к его клетке каждую неделю и неотрывно наблюдала, как он исполняет свои грязные танцы. Она оставалась дольше всех и никогда не смеялась.

Волны стыда и ужаса накатили на Эрана. Если бы он знал, что это не обычная лоргата, а сама Валтиатара, он бы никогда не решился изображать, как трахает невидимых баб. Да ему бы это и в голову не пришло. Но посещая его, Валтиатара одевалась в скромный серый комбинезон, такой же, как у всех лоргатов и их рабов; узнать в ней великую госпожу, хозяйку дема Маттаров было невозможно.

Ну а сейчас иммэ была облачена в полный доспех, каждая деталь которого сияла в свете, падающем от многочисленных витражей и светильников. Свет преломлялся, отражался и рассыпался радужными кругами, создавая вокруг лоргаты величественное сияние.

Она отодвинула закреплённый на манипуляторе рабочий стол и сошла вниз по ступеням, став напротив Эрана.

Несмотря на благородное происхождение, она была не так уж высока, возможно едва достигая двух метров, и тем не менее Эран смотрел на неё снизу вверх, чувствуя себя хрупким и тонким. Валтиатара легко могла сломать его пополам, даже не прибегая к помощи своего чудесного доспеха.

— Мне нравятся твои танцы, — сказала она, внимательно глядя Эрану в глаза.

Ему хотелось отвернуться, скрыть смущение и страх, но он боялся послушаться приказания и тарасился на Валтиатару, покрываясь липким холодным потом:

— Твои слова — награда для меня, иммэ.

— Но ты бы хотел иной награды?

— Иммэ, я не достоин! — он чуть не грохнулся ниц, но вовремя одумался, — Я не хотел тебя оскорбить своим ничтожным желанием.

— Желанием? — две правые руки Валтиатары взметнулись в воздух, она мягко сложила пальцы

в непонятном Эрану жесте, — Иди за мной, маленький раб.

За пьедесталом скрывался длинный узкий коридор, занавешенный тяжёлым гобеленом. Как и всё в этом доме-музее, коридор был украшен всевозможными экспонатами. В его стенах утопали сотни остеклённых камер с постаментами, витринами, клетками и аквариумами. В клетках и аквариумах копошилась жизнь, на витринах и постаментах покоились добытые в тяжёлых боях трофеи: сушёные головы врагов, оружие десятков видов и форм, поделки из костей, шкур и кожи. В прозрачной банке плавал кошачий глаз размером с походный рюкзак и будто бы следил за проходящими мимо. В вертикальном террариуме ползали тысячи мелких змеек, пожирающих друг друга.

Эран отводил взгляд, стараясь не отвлекаться. Он едва поспевал за Валтиатарой, хотя и пытался ускорить шаг.

— Танару хорошо обучила тебя, маленький раб. Но не достаточно хорошо, — Валтиатара отщёлкнула замок и латная перчатка полетела на пол.

Эран не знал, что ему положено сделать: подобрать перчатку? или может поймать её на лету? Глаза начинали слипаться, а ноги уже не гнулись, он ковылял как циркуль, так что ни о каких прыжках за частями доспехов не могло быть и речи.

— Твоих желаний не существует, — продолжала иммэ. Вторая перчатка звякнула о камень, — Есть только желания твоей госпожи. Уясни это. Ты — раб, и должен хотеть того же, что и госпожа.

С плеч лоргаты соскользнули нарамки, следом упали ещё одна перчатка и набедренник. Эран терялся в догадках, но решил ничего не предпринимать и просто следовать за госпожой.

— В этом смысл раба. Его функция. Знаешь, что бывает с рабами, которые не выполняют своих функций? Отвечай!

— Они умирают, — спешно сказал Эран.

Валтиатара рассмеялась, остановившись на пол шаге. Она обернулась и, скалясь, отбросила панцирь:

— Нет, маленький раб. Им находят иное применение.

Они вошли в квадратную комнату, погружённую в полумрак, и дверь за спиной Эрана закрылась.

На Валтиатаре остался лишь серый комбинезон, — последние элементы доспехов она сбросила перед входом. Стоя лицом к Эрану, нижнюю пару рук уперев в бока, а верхнюю — сложив на груди так, что две могучие сферы явно выступали под тканью, она спросила без тени улыбки:

— Знаешь, чем отличается раб от господина?

Эран потянулся к ошейнику, но отдернул руку.

Что тут можно ответить? Может быть там, на Земле, он и знал различия, но жизнь в клетке не давала повода задумываться о таких вещах.

— Правильные сомнения, — Валтиатара извлекла из поясной сумки нечто, напоминающее

продолговатую серебристую сливу, — Раб от господина отличается лишь тем, что один — подчиняется другому.

— Твоя мудрость, иммэ, так же велика, как твоя милость, — голос дрогнул от напряжения.

Она пропустила это мимо ушей:

— И я когда-то мечтала о свободе. Вести армию в иные миры, уничтожать непокорных. Что может быть лучше славной битвы?

Её взгляд сместился куда-то в сторону и устремился вдаль, а Эран, уловив момент, попытался осмотреть комнату. Ничего особенного: мохнатые шкуры, подушки и одеяла, просторные кушетки и встроенные в стены шкафы, множество уютных рыжих светильников у самого пола. Эта комната предназначалась не для пыток, и Эран немного успокоился.

— Что может быть лучше славной битвы? — повторила меж тем лоргата и ударила кулаком в ладонь: — Родиться мужчиной! — она обернулась к Эрану, — Мужчины уходят на войну и покрывают себя славой. Они вольны сражаться в любой битве, которую выберут, и жениться на любой женщине, которую выберут. А нам остаётся только ждать, управляя их демоном, приумножая богатства и воспитывая сыновей... Мужчины возвращаются. Искалеченные, парализованные, и никакие машины и чудодейственные препараты уже не могут поднять их... А нам остаётся только... управлять их демоном, и тосковать по жарким объятиям!

Её глаза загорелись, она шагнула к Эрану и подняла его подбородок:

— Ты тоже тоскуешь, маленький раб! Я знаю, — она вскинула серебристую сливу, и тотчас в просторной комнате зажёгся яркий свет.

Эран в ужасе глядел на стены: они больше не были стенами комнаты, превратившись в стекло его клетки. За прозрачной толщей стояла толпа лоргатов, они смеялись и падали на пол, хватаясь за животы. Но вот что странно: Эран не слышал их смеха — лишь учащённое дыхание Валтиатары, стоявшей рядом.

Госпожа отступила в сторону:

— Мне очень нравятся твои танцы. Я бережно сохраняю каждый из них.

Эран увидел самого себя, отплясывающего перед стеклом с каким-то диким азартом. Он помнил тот раз, помнил тот танец. В тот день он впервые решил изобразить перед лоргатами нечто непристойное. Вот он встал в стойку, слегка согнув колени, вот вытянул руки, словно перед ним была девка с огромной задницей, вот он двигает тазом, будто резкими толчками засаживает ей по самые яйца.

— Ты думал, Танару учит тебя этикету, потому что всем экспонатам положено знать этикет? — каждое слово Валтиатары жгло раскалённым железом.

Вот она, её аватар, стоит по ту сторону стекла и смотрит на Эрана, впитывая каждый его жест.

— Твои танцы пробуждали во мне давно забытые чувства. Но я не могла вспомнить, что это, пока не увидела тебя ночью.

Ночью?

Серебристая слива снова взлетела в воздух, и свет погас, оставив лишь синий полумрак, к которому не сразу привыкли глаза.

Эран боялся повернуть голову, но Валтиатара уже глядела туда, ему за плечо, в угол клетки.

Его дубликат стоял на коленях за кроватью, упираясь рукою в стену. Его спина сотрясалась и дёргалась от произвольных движений бёдрами, голова болталась, запрокидываясь назад. Валтиатара сжала плечо Эрана каменными пальцами, одна из её рук скользила в промежности по тонкой серой ткани. Дубль-Эран замер, чуть изогнувшись, и бёдра его несколько раз дёрнулись, следуя за потоком, что выплёскивался на пол и стену.

— Вот твоё желание, которого я хочу. Вот твоё предназначение, маленький раб.

Клетка исчезла, вновь превратившись в комнату со шкурами и подушками. Теперь было ясно, для чего всё это.

Валтиатара потянула за шов, и комбинезон на груди распался, обнажив два громадных белых шара с крупными звёздами сосков. Эран сглотнул, ноги подкосились, и он повалился в шкуры, рыдая от ужаса и бессилия:

— Твоя красота под стать Богине Войны, а милость — Богине Милости! Так будь же милостива, иммэ. Я не смогу! Мои ноги ослабли от долгого пребывания в клетке.

Гладкая ладонь скользнула по лицу Эрана. Валтиатара заглянула ему в глаза:

— Не бойся, маленький раб. Я придам тебе сил.

В шею вонзилась игла, острая боль прокатилась по нервам и застыла где-то в районе копчика. Разлилась причудливыми спазмами. Будто наполненный электричеством, Эран ощутил каждый кубический миллиметр тела. Адский огонь побежал по артериям, разогревая мышцы и будоража спящие инстинкты.

Комбинезон лоргаты отлетел в сторону, Валтиатара повернулась к стене и прогнула спину, разводя ягодицы:

— Ну же, возьми меня! Возьми меня, маленький раб!

Эран в мгновение ока скинул своё одеяние и подскочил к мощной мясистой заднице. Ягодицы Валтиатары призывно покачивались, по мускулистым ногам стекали капельки влаги, член Эрана гудел от напряжения.

Нахлынувшее желание заставило забыть о боли в мышцах и усталости, Эран ткнулся вперёд, прильнул к мощным бёдрам, и обнаружил, что не попадает. Он хотел, он готов был взять госпожу, но ему не доставало роста.

Он припал губами к её вульве, лизнул языком, от чего Валтиатара дёрнулась и застонала:

— Что ты делаешь? Войди в меня!

— Я слишком мал, госпожа. Давай сменим позу.

— Что? Сменим позу? — Валтиатара разогнулась. Только что она была властной и требовательной властительницей, великой госпожой, и вдруг съёжилась, забившись в стену, засмуцавшись, как школьница перед первым поцелуем, — К-какую позу?.. — хрипло спросила

она, облизнув пересохшие губы.

— Если ты ляжешь, иммэ, я смогу быть сверху...

— Сверху?

Ни черта не понимая, Эран смотрел, как неуклюже великанша ложится на шкуры. Руки мешали ей, она не знала куда их деть, ноги выпрямились, словно палки, нелепо сжатые и напряжённые.

Эран повалился на одну ногу Валтиатары и пополз выше, покрывая её поцелуями, и немного опасаясь, что лоргата саданёт его другой ногой, но госпожа откинулась на подушки, тихо тая под его напористыми ласками. Пальцы скользили по её бедру, взбираясь выше, к безволосому лобку и шелковым половым губам. Её клитор был крохотным словно зёрнышко, но чувствительным до невозможности. Эран едва касался его кончиком языка, а Валтиатара взбрыкивала необъезженной лошастью и сходила с ума от удовольствия. Грудь её бешено вздымалась, аппетитно маня лоснящимися сосками, глаза с огненным любопытством наблюдали за Эраном, упиваясь каждым его движением.

Памятуя о чувствительности клитора, Эран осторожно ввёл палец во влагище, ощущая каждой клеточкой кожи упругие и влажные пупырышки, покрывающие его. Эран припал ртом к горошине клитора, слегка покачивая палец в бархатистом лоне госпожи. Нижние руки Валтиатары вцепились ему в волосы, верхние с силой сжали мощную грудь. Иммэ дёрнула бёдрами, двигаясь навстречу языку и пальцу Эрана:

— О, боги Войны! Боги Мира! Ешь меня! Ешь, маленький раб!

Палец Эрана скользил, извиваясь и провоцируя всё новые взрывы конвульсий, язык бешено атаковал источники наслаждения, а пульсирующий от напряжения член елозил по мягким шкурам.

— Грязный-грязный раб! — Валтиатара металась из стороны в сторону, поджав под себя одну ногу, вторую Эран ухватил за бедро, продолжая орудовать зыком, фиксируясь и не давая иммэ вырваться. Его палец уже молотил, как отбойник, а госпожа теряла связи с реальностью.

— А-аа! — закричала она, вжимая голову Эрана в пах. Её тело содрогнулось чугунным импульсом, и Эран тут же остановился, лишь слега надавливая кончиком языка на клитор. Новое содрогание — Валтиатара дёрнула головой и зарычала, беспрепятственно исторгая воздух из горла.

Язык Эрана, будто живя своей жизнью, внезапно напал на чувствительную горошину, заставляя женщину стонать и содрогаться снова, пока она не взмолилась:

— Хватит! Эран, прошу тебя.

Он приподнялся на локтях и посмотрел на Валтиатару:

— Иммэ, я не выполнил того, что ты приказала. Я не взял тебя.

Лоргата засмеялась, и Эран никак не ожидал услышать такой чистый и искренний смех.

Всё так же смеясь, она легко подтащила его к себе и уложила на грудь. Две руки сомкнулись вокруг Эрана, заключая его в железные объятия, одна рука нащупала торчащую багровую

плоть:

— Знал бы Умурван, какую находку сделал, ни за что бы не отдал тебя в мой дем. Да и внизу у тебя, как у наших мужчин. Шутка природы, маленький раб? — она немного поиграла с крайней плотью, но так и не дала Эрану кончить, — Сегодня тебе придётся самому бороться с тоской. Но в следующий раз ты возьмёшь меня. Возьмёшь так, как заведено у грязных рабов!

— В следующий раз, иммэ?

Валтиатара отпустила Эрана:

— Да, маленький раб. Ты хотел выходить из клетки, и я позволю тебе это. Но взамен ты будешь являться сюда, когда я потребую. И не забывай своего обещания.

— Обещания, госпожа?

— Танару передала мне твои слова. С этого дня всё, что ты вспомнишь, или узнаешь о Пределах Вечности, будешь рассказывать только мне.

— Мудрость твоя не имеет границ, великая госпожа.

Валтиатара подняла комбинезон и серебристую сливу:

— И помни, Эран, — она посмотрела ему прямо в глаза, — Никому ни слова о том, что здесь происходит. Иначе с тобой будет то же самое, что и с козару.

— Кто такой козару, иммэ?

Серебристая слива поднялась в воздух, и в комнате снова зажёгся свет. Эран думал, что Валтиатара опять показывает его клетку, но нет: какие-то непонятные пёстрые устройства были разбросаны по полу, стекло боковых стен покрывала сеть мелких трещин. Не сразу, но Эран узнал это место.

Он не слышал его дыхания, не чувствовал запаха, он даже не видел его, пока не обернулся. А когда обернулся — от взгляда синей обезьяны по спине побежали мурашки.

Это был самец, в грязной полуистлевшей тоге. Козару, как его назвала госпожа.

В стеклянной стене распахнулась дверь, и в клетку вошли два лоргата в сияющих латах. Козару безразлично глянул на них и вновь обернулся к Эрану.

— Иммэ, прошу, выключи!

Клетка исчезла.

Валтиатара уже облачилась в комбинезон, скрыв от взора и объёмную грудь, и могучие ягодицы:

— Я не угрожаю тебе, Эран. Просто это случится, если мы не будем осторожны. Моя честь, мой дем, моя жизнь — всё это под угрозой.

— Но, иммэ! А как же Танару? Она может прочесть меня, как книгу!

— Значит, пусть не читает, — Валтиатара посерьёзнела, глубокая морщина собралась на

переносице, делая её жуткий шрам ещё более жутким. Она жестом открыла дверь и указала Эрану на выход, — Жду нашей следующей встречи. А пока: возвращайся в клетку, маленький раб.

<http://tl.rulate.ru/book/4490/169258>